

РЕДАКЦИЯ «Киевлянина»

Открыта подписка на 1917 год на газету «Киевлянин»...

Подписки и объявления принимаются в Главную контору...

Следующий номер газеты, по случаю праздника Рождества Христова, выйдет в среду 28 декабря.

Открыта подписка на 1917 год на газету «Киевлянин»

Table with subscription rates for different regions and delivery options.

Елены Варвараевны Богачевой

Городской театр. Репертуар: 26-го - В. Вахтангов «Сестры»...

Театр «Соловцов»

Репертуар: 26-го - В. Вахтангов «Сестры», 27-го - В. Вахтангов «Сестры»...

Интимный театр

Репертуар: 26-го - В. Вахтангов «Сестры», 27-го - В. Вахтангов «Сестры»...

Художественный театр Кручинина

Репертуар: 26-го - В. Вахтангов «Сестры», 27-го - В. Вахтангов «Сестры»...

Комитета Членов Государственной Думы

Уведомление о заседании комитета 26 декабря.

МОДЕЛИ

лучших домов Парижа

Maison Dodé

Киевлянин

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25-го ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА.

Год пятьдесят третий.

Александра Иосифовича Левковского

«Книгоизд Т-во», Пгд. Невский, 158. В. И. Крыжановская.

Детское утро

Новая Рождественская программа

Чаша запретной любви

От усть греховных к устам непорочным

Романь Балерины

Городской Музей

Актовый зал Императорского университета

VIII-я Выставка картин общества художников Киевлян

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Цирк

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Дамский конфекционъ

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Р. Я. Голубъ

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Рождественский Подарок

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Похарямъ - воинамъ

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Хоръ слѣпыхъ принимаетъ заказы

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Правление Товарищества свекло-сахарныхъ заводовъ

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Д-ръ Н. Сергѣевъ

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Модели

Грандъ-отель. Открытие нового большого зала.

Банкирский Домъ Л. В. Ландау и К°

Состоящий подъ Покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь Анастасии Николаевны и Милыи Николаевны Киевской Области Отдѣль по снабженію учебныиъ вещей

Гончаровъ Опытныхъ

Спутникъ по сахарной промышленности

Южно-Русское Общество Поощрения Земледелия

Рождественский Подарок

Похарямъ - воинамъ

Хоръ слѣпыхъ принимаетъ заказы

Правление Товарищества свекло-сахарныхъ заводовъ

Модели

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОИСКЪ.

Киев, 24-го декабря 1916 г.

Праздникъ мира!
Праздникъ примиренія Оскорбленнаго Божества съ оскорбившимъ человекомъ.

Вотъ уже въ третій разъ онъ приходитъ, обогранный кровью.

Къ ногамъ Младенца, принесшаго миръ на землю—человѣчество, вмѣстѣ съ обычными дарами: золотомъ, ладаномъ и смирной—лется горячая струя алой крови.

Знающимъ, яркимъ, рѣзкимъ пятномъ стекается она къ Исламъ и оскорбленнѣ, и рѣжетъ кроткій лучистый и свѣтлый взоръ Новорожденнаго.

Точно апавенца соборъ ту багряницу, которая одѣнѣтъ плащомъ Царя Небеснаго на землѣ!

И прекрасная голубая звезда надъ Вертепомъ горитъ пурпурными лучами—точно отсвѣтомъ объявшаго миръ пожара!

Идетъ третій годъ мировой «войны за миръ»!

Идетъ и начинается истекать.

Число три всегда было роковымъ, мистическимъ числомъ, освещеннымъ самымъ Словомъ.

Три года давлася Его проповѣдь на землѣ.

Три года принадлежало Ему, чтобы передать Своимъ ученикамъ, народу и миру—Свое ученіе мира, истины и любви.

Съ тѣхъ поръ, какъ человекъ, преступивъ Заповѣдь Божества и познавъ добро, сталъ способенъ творить зло—Господь возлѣзъ ему вести неустанную борьбу и въ великихъ страданіяхъ и мукахъ достигать и стремиться къ побѣдѣ.

Эта борьба, это сѣмление чело-вѣчества по пути добра—не походить на торжественное шествіе, на планную, стройную, парадную процессію, въ которой благоговѣйно несутся великія символы, прекрасное знамя—и легкой и легкой вѣтерокъ едва касаются его трепещущія складки.

Цѣпь—она подвѣса скорѣе на дикій необузданный порывъ, на безумный, безпорядочный, первичный бѣгъ, въ которомъ одни толкаютъ другихъ, топчутъ ихъ, смятутъ и раздавятъ, подъ своими ногами. Падаютъ, поднимаются, опять падаютъ, опять встанутъ, проклинаютъ, скрепятъ зубами, стонутъ, рыдаютъ—и все-же не выпускаютъ изъ рукъ великую эмблему, прекрасное знамя, которое иногда склоняется до самой земли, но тотчасъ-же подымается, подхватывается новыми руками и, несмотря на падающіе на него бури и ураганы, рвущіе въ клочья священные складки—все же—торжествующее и побѣдное—снова вышится надъ этой безумной и неистовой толпой, его плещущей и нѣмъ влекемой.

Ибо все великое, доброе, величавое и прекрасное на землѣ достигается и вымучивается крестнымъ мученіемъ однихъ за другихъ.

Такъ, какъ великій грѣхъ чело-вѣчества былъ искупленъ кровью Распятаго, примиреннаго Оскорбленнаго Божества съ человекомъ.

Третій годъ чело-вѣчество несетъ крестный страданія за великую истину, которая день ото дня, часъ отъ часа и мгновенье отъ мгновенья—становится для всѣхъ болѣе ясною, желанною, необходимою.

И третій годъ начинается истекать. Быть можетъ, близится срокъ достиженья.

Быть можетъ, въ новый праздникъ Поворожденный Миръ не увидитъ болѣе у своихъ ногъ кроваваго патва багрянца.

Тогда Ангелы звонкими, радостными, ликующими голосами проносятся свое Славословіе и затрепетаютъ благовѣстными крыльями надъ затихшею землей.

Тогда Пастыри принесутъ Ему свое смиреніе, поклоненіе и любовь, а Мудрецы съ Востока обычные дары: алато, ладанъ и смирну.

Тогда ни одного алого луча не останется въ сіяніи прекрасной голубой побѣдной звезды надъ Исламъ...

Посрамленный Мефистофель.

(Святочная сказка).
Ю. В. Реякина.

Имѣющій бѣсъ, или Мефистофель, Другъ Гете, сильно скорчивъ злобъ, Отъ снуна мерзавца грызъ картофель, Забравшись съ богами въ окошечко...
Прощаю тебѣ золотое, Гуманно-философскій языкъ, Когда извѣстно и въ покровъ Грѣшилъ имѣнный чело-вѣкъ, Когда онъ съ Фаустомъ не успѣо Жизнь Маргариты разбивать...
А нынче, Гете, подучать грустиво, Блудной имѣнницей настало: Безумно боши погулявши, Умъ одичалъ, и дикіи шлѣи

Младенецъ огорченъ—вокругъ такая злоба,
Мечи кровавые сверкаютъ безъ конца
И каждый новый мигъ подъ новой крышкой гроба
Хоронятся людьми разбитыя сердца...

Онъ плачетъ, въ тишинѣ Его струятся слезы,
Сверкая на лицѣ алмазною росой.
«Когда-же, Мой Отецъ, затихнутъ всѣ угрозы,
Когда окончится кровавый тяжкій бой?»

«Мой кроткій Сынъ, въ Тебѣ Мое благоволеніе,
Въ Тебѣ Моя любовь, Ты этой жизни свѣтъ!
Обращаетъ правду миръ за крестное мученье!»
Звучитъ на небесахъ торжественный отвѣтъ.

Святая Мать Дитя задумчиво прижала,
Предчувствуя Она въ святой любви Своей,

Что тяжкая печаль, какъ остріе кинжала,
Въ великій оный часъ вонзится въ сердце Ея...

Спаситель кроткій нашъ, мы вѣримъ безконечно,
Что Царствіе Твое настанетъ въ оный день,
Что покорить все свѣтъ Твоей любви предвѣчной
Тамъ, гдѣ лежитъ теперь могучей смерти тѣнь...

И тамъ, гдѣ бой кипитъ, гдѣ лется кровь, взывая
О мщени среди тяжельхъ, страшныхъ сѣчь,
Погибнетъ отъ меча изыавшей гордо мечъ,
Все стихнетъ, сладкій миръ торжественно вкушая.

Гдѣ нынѣ тернія и волчцы на поляхъ,
Тамъ свѣтлый трудъ опять въ тиши прославитъ Бога,
И гдѣ невольники терзаются въ цѣпяхъ,
Тамъ станетъ вольная и свѣтлая дорога.

Ю. В. Реякинъ.

1916 г. 24 декабря.

И каннибальскій ихъ развратъ
Грубѣе прошлаго въ сто кратъ!

II.

Свирѣпыхъ гунновъ преступленія
Теперь совѣтъ не цѣнить ады,
Встрѣчаютъ ивнень безъ почтенія,
И бѣсу вѣтъ за нихъ награды.
Самъ Сатана сказалъ, звалъ:
«Мой надобанъ плачи,
Груба у нихъ душешка алая,
Какъ ихъ презрѣнны мечи!»
И сердце бѣса грѣшилъ зыби;
Онъ съ тайной завистью взираетъ
Тула, гдѣ русскія траппеш
Снѣгъ пеленою покрывалъ.
Тамъ все торжественно подало:
Тамъ Русь великая встрѣзала,
Душой глубокою чиста,
Рожденіе свѣтлаго Христа...

III.

Ужели они—самы Мефистофелъ,
Въ глубокой зависти своей
Здѣсь сидятъ, будутъ грызть картофель,
Но снѣгъ къ нимъ поднятъ очей?
Гдѣ-же тонкость замысловъ коварныхъ
Гдѣ обманчивый языкъ?
О вѣтъ, въ ряду чертъ бездарныхъ
Стоитъ онъ долго не гравитъ...
«Пойду, посю тамъ сомнѣнья,
И вѣру въ Бога потрясу,
Пошлю имъ злобы сновидѣнья
И очрачу души врасу!»
Такъ думалъ старый бѣсъ презрѣнный
И, плащъ наивнень драгондѣнный,
Надъ свѣтлымъ полемъ шалелъ,
Готовъ много черныхъ дѣлъ.

IV.

Поля пустынные въ пелажіи
Подъ чистымъ саваномъ металы,
Царяла тишь въ густыхъ лѣсахъ;
Надъ ними звезды въ небесахъ
Горѣли дивными огнями...
На все угрюмыми очами
Бѣсъ равнодушно посмотрѣлъ:
Все презиралъ—его удѣлъ!
Онъ мчался къ дикимъ убогимъ,
Гдѣ надъ пустынной дорогой
Въ тѣни лѣсовыхъ осинъ
Лили огонекъ мерзавца одиакъ.
Тамъ «мѣмъ гуннанъ карлика
Ханжу на землѣхъ роковымъ;
Онъ весь въ бѣсъ черныхъ служилъ,
Въ почтѣ будучи у нихъ.

V.

Передъ противное старулей
Явился бѣсъ въ плащѣ свѣтлѣй,
Довольный грѣшномъ страдулей.
Онъ показывалъ ей гербовъ,
И показавъ свое копыто,
«Ну, какъ, красавица, живешь?
Что смотришь на меня сердито,
И ручки мнѣ не подаешь...
Ахъ, вѣдьмы Ерошена со мною
Дружатъ уже не мало лѣтъ,
И для меня,—того не секретъ,—
У нихъ ни въ чемъ отлага вѣтъ!»
«Скажишь тебѣ, печальде ады,
Была бы я и оныя рада,
Но чѣмъ? Вѣдь въ пратвѣ своей
Лили русскія знамя чертей!»

VI.

Такъ вѣдья хитро отвѣчала
И Мефистофелю похвѣла
Отвѣсать, возлѣ пемъ стала...
«О, мой дружокъ,—отвѣтила ей,—
И вѣду, ты живешь въ любви,
Готовы званію ханжу,—
Нуждаюсь въ этомъ я жалити
И бутылъ добрую прому,
Но позабористѣй свари мѣлъ,
Чтобъ былъ напитокъ, какъ огонь,
Чтобъ въ чистой, тихой мечи зиней
Не шла деваурата воля,
Чтобъ былъ онъ вкусенъ, ароматенъ,
Въ употребленіи пріятенъ,
И полонъ мерзости таинствъ,
Чтобъ чело-вѣкъ грѣшилъ отъ нихъ.

VII.

За это дамъ тебѣ въ награду
Мешочекъ черновцевъ золотыхъ,
Глаза младенца, фучтлхъ ладъ
И петлю висельничью...
«Ну, словонъ,—бузель ты доволана,
Но, чуль, живи, вѣдь я снѣшу!»
Тутъ вѣдья, скорчившись невольна,
Пошла въ кладову по ханжу...
Все это, сидя за трубой,
Подслушала лопно русскій чортъ.
Зачѣмъ ивнечному герою
Ханжи былъ нуженъ первый сортъ?
Въ чертовскомъ сердцѣ зашлѣла
Тутъ алая ревность безъ предѣла
Онъ понялъ, что германскій бѣсъ
Въ ихъ область прохалъ вѣтъ...

VIII.

Еще того не доставало,
Чтобъ, валивъ наитка первый сортъ,
Съ насѣткой алой вѣда не мало
Принесъ чѣмелій хитрый чортъ...
«Нѣтъ, погоди, пріятель нилый,
На фронтѣ сѣржелься сейчасъ,
А если ты кое-ещи тыла,
То тамъ немало встрѣтитъ насъ!»
Такъ русскій чортъ подумавъ, сразу
Махнулъ въ трубу, и былъ таковъ
И мефистофельскому глазу
Не показалъ своихъ роговъ.
Мѣкъ тѣмъ ивнечній бѣсъ проворно
Узналъ ханжи простой секретъ,
И вѣдью обманувъ позорно,
Фальшивыхъ нузу далъ монетъ.

IX.

Въ одно короткое мгновенье
Нашъ русскій чортъ былъ подъ мостомъ
Въ концѣ убогаго селенія
Въ уныломъ мѣстѣ и пустомъ.
Тамъ тихо мельница стояла
Старушкой дряхлой и глухой,
Ее къ позачи похвѣла
Орава немцыи дикой.
Туда на полное собраніе
Попалъ тринадцатимъ нашъ бѣсъ
И, чуль переводъ дышавъ,
Онъ на трибуну-жерновъ вѣлъ.
«Вотъ, братцы, новость вамъ какая,—
Тѣмъ законъ ирсаирад,

КАВКАЗЦЫ

кн. Но за то и красавец же был! Когда на блуду, бывало, станем с ним в первый раз... все обступит, мужчины, старики и те даже карты побороздят, все в залз толпятся...

БАБУСЯ.

Е. Герцог.

Надъ усадьбой бушевала сибирская зима. Ветер зло бросал в окна дома слякоть, онъ гудял за стѣнами и метался, напоминая тоску дупи.

На кухне, которую отапливала отъ столовой буфеткой, громко говорили, самшались покаяниями, смѣхъ, скоро дверь отворилась, и въ столовую облетела горничная: — Барыня, радость то какая! Варшани, Надежда Владимировна, прѣехала!

Дня усадила бабушка на диванъ, завила ей ноги платкомъ и подала шезлонгъ изъ красного дерева. — Сейчас я тебѣ буду показывать. Гордость была на лицѣ бабушки — дѣтскіе, правдивые, — ея счастье, ея жизнь.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

Тихо, тихо было въ комнатѣ; казалось, слышно было, какъ бьются изъ сердца. И чуть слышно бабуся сказала: — И буду крестить его, если доживу. Дня покряхтала поджавшими ржми, платая бабушкинъ, цѣловала ея лицо, морщась отъ слезъ.

БОЙ.

Рождественская быль.

М. Бернова.

Наступило Рождество. Тяжело было на душѣ жить Россіи и моя личная жизнь была омрачена печальными событиями, и никогда одиночество не давало себя такъ чувствовать, какъ въ эти предраздничные дни.

ПВѢТНИКЪ.

Маниаторъ.

Ив. Рюминъ.

Посмотри, въ этомъ ушахъ. И быть большой и знаешь. И быть счастъ, и быть влюбленъ. А. Пашенковъ.

